

Очаровательный роман, которому обеспечен успех.

Library Journal

Мэри Стюарт

ТЕРНОВАЯ
ОБИТЕЛЬ

Мэри Стюарт

Терновая обитель

Серия «Азбука-бестселлер»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=151770

Терновая обитель : роман / Мэри Стюарт ; пер. с англ. А. Максимовой.:

Азбука, Азбука-Аттикус; Москва, Санкт-Петербург; 2017

ISBN 978-5-389-14211-4

Аннотация

У Джили Рэмси с детства были причины верить, что ее любимая крестная, тетя Джейлис, немножечко колдунья, ведь ее редкие появления всегда были такими чудесными! Получив в наследство от тети дом в Уилтшире, Джили обнаруживает в своем новом владении комнату, где хранятся сушеные травы и какие-то снадобья, и получает послания от крестной, которые приносят голуби. Девушка узнает, что в деревне ее тетушка слыла ясновидящей и знахаркой – попросту ведьмой. Правду говорят люди или нет, но во сне Джили летает в лунном свете и видит загадочную сцену у древнего святилища друидов... Ей передались по наследству и способности к ворожбе или добрая фея-крестная пытается указать девушке путь к ее счастью?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	51
Глава 6	63
Глава 7	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Мэри Стюарт

Терновая обитель

*Моим родителям с любовью и
признательностью*

*Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.
Будто зыблемый волной,
Ты в покое под листвою.
Сердце радостью полно,
В мире будь с любой тварью,
Коль сумеешь.
Лишь когда совсем темно,
Все вокруг теряет форму:
В кронах злобных взглядов блеск —
В страхе побледнеешь.
Ты войди в сей чудный лес,
Коль посмеешь.*

*Джордж Мередит. Уэстермейнский лес. Перевод А.
Ротокли*

Mary Stewart
THORNYHOLD

Copyright © Mary Stewart 1988

The right of Mary Stewart to be identified as the Author of the
Work has been asserted by her in accordance with the Copyright,

Designs and Patents Act 1988.

All rights reserved

First published in Great Britain in 1988 by Hodder & Stoughton

an Hachette UK Company

Перевод с английского Александры Максимовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

Иллюстрация на обложке Екатерины Платоновой

© А. Максимова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство АЗБУКА®

Глава 1

Я думаю, моя мать вполне могла бы стать колдуньей, если бы захотела. Однако она встретила моего отца, почтенного священника, и их женитьба свела на нет реальную для нее возможность превратиться со временем во вторую фею Моргану. Вместо этого она стала женой английского викария и управляла приходом так, как было принято тогда – более полувека назад, – железной рукой, даже не прикрытой перчаткой. Она сохранила всю яркость своей натуры, являя во всем свое превосходство, одобренное налетом жестокости, и не испытывая ни малейшего сочувствия к слабости и некомпетентности. Думаю, у меня было трудное детство. Наверное, и у нее было такое же. Я помню фотографию ее матери, своей бабушки, которую я так никогда и не видела и которой, однако, я боялась все детство: стянутые назад волосы, жесткий, испытующий взгляд и безгубый рот... Бабушка жила где-то в дебрях Новой Зеландии и обладала всеми необходимыми добродетелями первопроходцев, кроме того, была известной целительницей и сиделкой. В былые времена ее, наверное, считали бы знахаркой или колдуньей. Впрочем, именно так она и выглядела. Моя мать – улучшенная с точки зрения внешности копия бабушки – унаследовала от нее все эти качества. Безжалостная по отношению к здоровым, принципиально презирующая всех женщин, безразличная к

детям и животным, она тем не менее была бесконечно внимательна и терпелива с новорожденными и прекрасно ухаживала за больными. Лет сто назад она бы кормила бедных и убогих бесплатным супом и желе, но эти времена прошли, и теперь вместо этого она председательствовала на деревенских собраниях и делала то же желе и джемы для продажи («Нам нужны деньги, а люди все равно не ценят то, что достается им бесплатно»), а когда в шахте происходил несчастный случай, она всегда шла туда вместе со своим мужем и доктором и была нужна там не меньше, чем они.

Мы жили в холодном мрачном шахтерском поселке на севере Англии. Наш дом, неплохо построенный, был тем не менее ужасным: слишком большим и страшно холодным. Вода была очень жесткой от содержащегося в ней известняка и всегда ледяной. В юности моя мать не знала, что такое горячая ванна, поэтому не видела причин тратить деньги на нагреватель для воды. Если нам нужна была вода для мытья, мы кипятили ее в кастрюлях на плите. Ванну дозволялось принимать только раз в неделю: два дюйма жесткой теплой воды. Уголь обходился нам дорого – по фунту за тонну, а электричество для церкви и дома священника подавалось бесплатно, поэтому иногда мне разрешали включать в своей крошечной холодной комнате слабый электрический обогреватель, и он не давал мне окончательно замерзнуть. Руки и ноги у меня всегда были обморожены, но жаловаться считалось недостойной слабостью, поэтому на это никогда

не обращали внимания.

Дом священника стоял на краю деревни, отделенный от церкви большим садом, где мой отец, которому помогал старый могильщик («Я хорошо копаю, я это здорово умею»), проводил все свободное от пастырских обязанностей время. С одной стороны сада шла дорога, с трех других его окружало кладбище. «Тихие соседи», – говорили мы, и это была чистая правда. Я не помню, чтобы меня беспокоила мысль о покойниках, лежащих в земле так близко от дома. Более того, наш обычный короткий путь в деревню лежал через самую старую часть кладбища. Для предоставленного самому себе ребенка такое место было довольно мрачным, и, наверное, мое детство было даже более одиноким и грустным, чем у Шарлотты Бронте в Хейворте. Впрочем, так было не всегда, и воспоминания о собственном «золотом веке» помогали мне переносить тяготы теперешней моей жизни.

До того как мне исполнилось семь лет, мы жили в маленькой деревушке душ в двести или около того. Приход наш был небольшим, мы сами – очень бедными, но само местечко было чудесным, работа моего отца – легкой, а наш дом – небольшим и удобным: старинный невысокий белый особнячок, стены увиты плющом, под стенами разбиты клумбы пахучих фиалок, белые розы заглядывают через портик. Среди сирени стояла беседка, а позади – теннисный корт, за которым тщательно ухаживал мой отец и куда иногда заходили поиграть наши соседи. Приход состоял в основном из

фермеров. Их владения были разбросаны на пространстве в несколько квадратных миль, по которому шла только одна «главная» дорога. Машинами почти никто не пользовался – ходили пешком или ездили на двуколке. Автобусов не было вовсе, а железнодорожная станция находилась в двух милях от деревни.

Всего семь лет. Но даже сейчас, когда с тех пор прошло почти в десять раз больше времени, воспоминания о той поре нисколько не потускнели и не стерлись в памяти, и груз прожитых лет никак не отразился на них.

Зеленая деревушка, в центре – старинная серая церковь, пасущиеся ослики и козы. Везде огромные деревья – на лужайках, в садах, вдоль дороги. Сама дорога – с тремя глубокими колеями от колес и копыт, выющаяся между живыми изгородями из диких цветов. Нагретые солнцем камни, которыми вымощен наш двор, где гуляют куры и дремлет кот. Звон из соседней кузницы и резкий запах паленых копыт, когда кузнец подковывает чью-то лошадь. Сад, в котором растут пионы, фиалки и цветы водосбора, похожие на восседающих в гнезде голубей. Целые облака сирени, свешивающиеся над дверью школы, что в самом конце сада, и огромные желтые розы у ступенек, ведущих на теннисный корт.

И ни единого человека. В этих дорогих моему сердцу воспоминаниях нет места людям. Впрочем, за одним исключением. Я прекрасно помню день, когда я впервые повстречала двоюродную сестру своей матери – Джейлис.

Она была моей крестной, поэтому на самом деле я должна была, конечно, видеть ее и раньше, но в памяти отпечаталась именно та встреча тихим летним днем, когда мне было шесть лет.

Тот день не был днем моего рождения, потому что родилась я в сентябре, но все же он был каким-то необычным, выпадающим из череды других дней, особенным, и я ждала его со всем нетерпением лишенного какого-либо общения ребенка. Поначалу он сулил стать таким же, как и все прочие дни, то есть мне предстояло провести его в одиночестве, потому что мой отец ушел навещать прихожан, мать была слишком занята, чтобы возиться со мной, а играть с деревенскими детьми мне, конечно же, запрещали.

Не думаю, что мне разрешили уходить со двора, но тем не менее я это сделала. В самом конце сада, за школой, у меня был собственный лаз в заборе. За ним тянулся пологий склон, похожий на парк из-за огромных деревьев, растущих на нем небольшими островками, а в самом низу, окруженный с трех сторон рощицей, находился пруд. Совершенно бесцельно (если не считать целью приблизиться к сверкающей поверхности пруда) я пошла туда и уселась на траву.

Мне кажется, что я помню каждое мгновение той прогулки, хотя поначалу я видела только мешанину ярких сочных красок, совсем как на полотнах импрессионистов. Звуки тоже смешивались – пение птиц в роще и стрекотание кузнечиков в высокой траве, где я сидела. Было жарко, и запахи зем-

ли, травы и стоялой воды в пруду навевали дрему. Я сидела в каком-то оцепенении, уставившись широко открытыми глазами на ленивый ручеек, впадающий в пруд неподалеку.

И вдруг что-то произошло. Может, сместилось солнце? Мне кажется, я помню внезапную вспышку, словно рыба выпрыгнула из воды, блеснув чешуей на солнце.

В сонном мареве красок вдруг отчетливо проступили очертания отдельных цветковых пятен. Неожиданно все оказалось залитым ярким светом. Золотые и белые венчики гигантских маргариток, возвышавшиеся над моей головой, качнулись, словно под порывом сильного ветра. Потом воздух, наполненный всевозможными запахами, снова застыл. Птицы перестали петь, замолчали кузнечики. Я сидела тихо, словно червячок на стебле, в самом центре этого полного жизни мира и впервые почувствовала, что я его часть.

Я подняла голову. Передо мной стояла тетя Джейлис.

Едва ли в ту пору ей было больше сорока, но мне она показалась старой, как казались старыми мои родители, которым было за тридцать. Она чем-то напоминала мою мать – выразительной линией рта и носа, пронзительными серо-зелеными глазами и горделивой осанкой. Но моя мать была рыжеволосой, а волосы тети Джейлис ниспадали темными волнами и были перехвачены черепаховыми гребнями. Не помню точно, что на ней было надето, кажется, что-то темное и просторное.

Она опустилась на траву возле меня, даже не задев при

этом цветов. Потом провела пальцем по одному из стеблей. На палец вскарабкалась божья коровка и поползла вверх.

– Ну-ка, – сказала тетя Джейлис, – сосчитай на ней пятнышки.

Маленьким детям даже самые необыкновенные происшествия иногда кажутся само собой разумеющимися – такого простодушия взрослые, со своими мерками, как правило, абсолютно не понимают. Я не видела ничего странного во внезапном появлении тети Джейлис или в ее приветствии. Все эти волшебные появления и исчезновения – всего лишь часть детского мира, в котором они случаются по его желанию несметное число раз.

– Семь, – сказала я.

– Семиточечная *Coccinella*, – согласилась тетя. – Ну а теперь нужно попросить ее лететь домой.

Мне тоже так казалось, и я начала:

– Божья коровка, улети на небо. Там твои детки кушают конфетки. Всем по одной, а тебе – ни одной.

Божья коровка улетела, и я посмотрела на тетю:

– Это ведь просто песенка, да?

– Конечно. Божьи коровки – умные жучки, они живут в траве и конфет не едят. Ты знаешь, кто я, Джилли?

– Вы – мамина сестра, тетя Джил. У мамы есть ваша фотография.

– Да, есть. А что ты здесь делаешь?

Должно быть, вид у меня был испуганный. Кроме того,

что я нарушила запрет и ушла со двора, я еще задремала в траве! Но под испытующим взглядом тети Джейлис я сказала правду:

– Просто сижу и думаю.

– Да? А о чем?

Удивительно, но ее голос звучал не только ласково, но и заинтересованно.

Я оглянулась. Ожившие было цветы и трава снова превратились в яркие бесформенные пятна.

– Да так. Обо всем.

За такие ответы я всегда получала резкий выговор от взрослых, однако тетя кивнула, словно выслушала подробное объяснение.

– Например, живут ли в нашем пруду головастики, а?

– Да! А есть?

– Наверное. Посмотрим?

Мы посмотрели, и они там были. Еще мы увидели пескарей и колюшек, а потом тетя Джейлис указала мне на высокий стебель камыша, растущий прямо из воды. Неожиданно вода около него вспучилась, потом образовавшийся пузырек лопнул, и наружу выползло какое-то существо, похожее на личинку. Медленно, тщательно ощупывая стебель камыша лапками, существо поползло вверх, постепенно оставляя позади свое отражение в воде. Наконец оно выползло совсем и стало обсыхать на солнце.

– Что это?!

– Личинка. Смотри, Джили. Просто смотри.

Существо зашевелилось. Уродливая голова запрокинулась, словно от боли. Не успела я понять, что происходит, как вдруг на стебле оказалось уже два тельца – лопнувшая пополам оболочка и выбирающееся из нее другое существо, только что родившееся, гибкое и живое, более тонкое и длинное, чем прежнее. Оно поползло вверх, прочь из сморщенных обрывков своей грязной шкурки, а солнечный свет ласкал его, гладил, расправлял прозрачный шелк крыльев, пронизанный паутинками тонких, как волоски, прожилок, и откуда-то, словно из воздуха, тельце существа начало впитывать цвет, пока не стало таким же лазурным, как небо над головой. Крылья распрямились, существо вытянулось, приподнялось – и через секунду, само похожее на солнечный лучик, взмыло ввысь, к солнцу.

– Это была стрекоза, да? – услышала я свой шепот.

– Да. Ее называют *Aeshna caerulea*. Можешь повторить?

– *Aeshna caerulea*. Но как это? Вы сказали, это лучинка, а там, внутри, значит, была стрекоза?

– Да. Только не лучинка, а личинка. Она живет на дне пруда, в темноте, и питается чем попало, пока в один прекрасный день не обнаружит, что может выползти на свет, расправить крылья и полететь. А то, что ты здесь видела, – весело закончила тетя, – самое обыкновенное чудо.

– Волшебство? Это вы сделали?

– Ну нет. Кое-что я, конечно, могу сделать, но не это. Ко-

гда-нибудь, если я не ошибаюсь, понадобится чудо, очень похожее на это. Другой личинке, в другое время и в другом месте. – Быстрый ясный взгляд. – Ты меня понимаешь?

– Нет. Но вы все-таки умеете делать какое-то волшебство, значит вы волшебница, да, тетя Джейлис?

– Почему ты об этом спросила? Они об этом говорили дома?

– Нет, мама только сказала, что вы приедете погостить, а папа сказал, что вас не очень-то звали.

Она засмеялась, встала и потянула меня за собой.

– Надеюсь, это в большей степени в переносном смысле. Не обращай внимания, детка, и пойдем-ка домой, ладно?

Но на этом чудесный день не закончился. Мы медленно шли назад через лужайку, и казалось, так естественно было встретить там ежиху с четырьмя ежатами, спешащих куда-то в высокой траве.

– Миссис Тиггивинкл¹, – выдохнула я, а тетя Джейлис засмеялась, но не поправила меня.

Один ежонок нашел червяка и с аппетитом его схрумкал. Они прошли совсем близко, ничуть не испугавшись нас. Потом тетя стала показывать мне разные цветы и рассказывать о каждом из них, так что к концу прогулки я уже знала названия и особенности около двадцати растений. И даже моя мать не сказала ничего по поводу моего исчезновения из са-

---

¹ *Миссис Тиггивинкл* (в русском переводе миссис Тигги-Мигги) – ежиха, героиня сказки Беатрис Поттер.

да, и все кончилось хорошо.

Тетя Джейлис гостила у нас еще несколько дней и большую часть времени проводила со мной. Погода стояла тихая и ясная, как было всегда в те далекие времена, поэтому все дни мы проводили на улице, и эти ежедневные прогулки, как я сейчас понимаю, определили всю мою дальнейшую жизнь. Когда тетя уехала, таинственный свет, который излучали в ее присутствии леса и поля, исчез, но тот огонек, который она во мне зажгла, остался.

Это был последний счастливый эпизод из моих семи небываемых детских лет. Следующей весной мой отец получил новое назначение в другое епископство – огромный приход в уродливом шахтерском поселке, где везде высились кучи отработанной породы, а дым и пламя доменных печей, шум работающих двигателей отравляли нашу жизнь и днем и ночью. И жить мы стали в холодном и неудобном доме у кладбища.

Там не было ни стрекоз, ни цветущих лугов, ни ежей с ежатами. Я упрашивала родителей позволить мне завести какую-нибудь зверюшку, хотя бы белую мышь, но мне не разрешали. А между тем дом священника, как и большинство домов того времени, дополняли прекрасные конюшни со множеством дворовых построек и стойлами для лошадей. (Мне, как я уже сказала, не разрешали держать никаких домашних животных.) Иногда, правда, я пыталась выхо-

дить птичку или мышь, которых частенько притаскивала наша кошка, но безуспешно. Сама кошка резко отвергала всякую заботу о себе, предпочитая полудикую жизнь в сарае.

Однажды кюре подарил мне крольчонка. Довольно неотзывчивое животное, но тем не менее я его обожала, холила и лелеяла, пока однажды мать не велела вернуть кролика хозяину. На следующее утро кюре пришел, как обычно, поговорить с моим отцом и принес моего кролика – освежеванного и выпотрошенного. Я убежала наверх, в свою комнату, где меня вырвало. Папа пытался объяснить все удивленному и обиженному кюре, а мама, может быть впервые, поднялась ко мне и стала нежно и ласково утешать меня. Шло время. Горе и обида постепенно стерлись из моей памяти. Случай с кроликом в нашей семье никто больше не вспоминал.

Говорят, мозг сам защищает себя от потрясений. Я возвращаясь к тем далеким годам моего детства и с удивлением обнаруживаю, что помню очень мало. Редкие развлечения – экскурсии на автобусе с отцом, прогулки с ним по деревне, добрые шахтерские жены, которые называли меня Джили и относились ко мне с такой же любовью и уважением, как и к отцу. Если же разговор заходил о моей матери, в их голосах звучала почтительность совсем иного рода.

Помню долгие часы в своей холодной комнате, где я рисовала карандашами и красками, причем всегда только цветы и животных; помню, как стояла подолгу возле окна, глядя на кладбище, платаны и красный закат над угольными шах-

тами, и мечтала, мечтала... О чем? Сама не знаю.

И наконец в один прекрасный день снова появилась она. Тетя Джейлис решила нанести нам прощальный, как она выразилась, визит, перед тем как отправиться навестить свою мать (мою бабушку) в Новой Зеландии. В то время люди еще не путешествовали на самолетах, поэтому подобное путешествие могло занять год, а то и больше. Кроме того, по пути в Новую Зеландию тетя хотела увидеть новые города и страны. Я вслушивалась в незнакомые названия: Каир, Дели, Филиппины, Перу... Она вернется, когда побывает во всех этих местах, а пока... пока она просит меня присмотреть за ее собакой. Собака оказалась черно-белым колли, худым, веселым и добродушным. Он, очевидно, потерял хозяев, а тетя нашла его и взяла себе, потому что никогда бы не бросила бедное животное, ввергнув его судьбу злому случаю или человеческой жестокости.

– Вот его документы. Эта собака будет принадлежать Джили. Ей нужен кто-то...

Я похолодела. Сейчас она скажет: «...кого она сможет полюбить», но тетя закончила просто:

– С кем она могла бы играть.

– А как его зовут?

Я опустила на холодные плиты пола рядом с собакой и не могла даже поверить своему счастью. Моя мать не проронила ни слова.

– Назови его сама, он твой.

– Тогда я назову его Ровер, – сказала я, обнимая пса за пушистую шею.

Он преданно лизнул меня в щеку.

– Un peu banal², – улыбнулась тетя. – Ну ничего. Он не гордый. До свидания.

Она не поцеловала меня на прощание. Я вообще никогда не видела, чтобы она кого-нибудь целовала. Тетя вышла из дома, села в подошедший тут же автобус и уехала.

– Странно, – сказал отец. – Это, наверное, дополнительный рейс. По расписанию автобус уехал десять минут назад, я сам его видел!

Мать улыбнулась. Затем ее взгляд упал на собаку, и улыбка исчезла.

– Встань сейчас же с пола, Джил. Если ты хочешь, чтобы собака осталась у нас, нужно привязать ее во дворе. Не понимаю, зачем Джейлис оставила нам эту собаку, ведь здесь ее некому будет выгуливать.

– Я буду его выгуливать! Я...

– Тебя здесь не будет.

Я остолбенела. Расспрашивать мою мать было бесполезно. Она говорила только то, что считала нужным.

Сейчас она так крепко сжала губы, что они превратились в узенькую полоску, совсем как у бабушки на портрете.

– Ты должна учиться. Тетя Джейлис права, тебе нужна компания. По крайней мере, ты не будешь мечтать у окна

---

² Немножко банально (фр.).

целыми днями.

– Не пугайся, малышка, – ласково сказал отец. – Тебе ведь действительно нужны друзья. Это наш единственный шанс дать тебе образование – тетя Джейлис взяла на себя бо`льшую часть расходов по обучению. Ведь мы сами не смогли бы заплатить такую сумму. Твоя крестная очень добра к нам.

– Она предпочитает, чтобы ее называли спонсором, – резко вставила моя мать.

– Да, я знаю. Бедная Джейлис, – грустно ответил отец. – Но тем не менее этот шанс упускать нельзя. Понимаешь, Джили?

Колли стоял около меня, и моя рука непроизвольно поглаживала густую длинную шерсть. Вдруг и этот холодный мрачный дом, и серые унылые поля вокруг – все это показалось мне близким и желанным. Я посмотрела на мать.

– Мапочка, неужели мне действительно нужно ехать учиться?

Не отвечая, она повернулась и вышла из кухни, наверняка уже думая о школьных принадлежностях и дорожных сборах. А кроме этого, я уверена, о том, что теперь восемь месяцев в году она будет свободна от дочери.

– Папа, мне действительно нужно ехать?

– Твоя мама думает, что так будет лучше, – не сразу ответил отец. Потом опустил руку в карман, достал монету в полкроны и дал ее мне. – Джили, сходи-ка в магазин Вудса и

купи Роверу миску для еды. Я вчера проходил мимо и видел их на витрине. Знаешь, такие, с надписью «ПЕС». И оставь себе сдачу.

Колли лизнул меня в щеку. Наверное, ему понравился вкус слез, потому что он лизнул меня еще и еще.

Глава 2

В итоге меня решили послать учиться в англиканский монастырь. Тетя Джейлис, пересекавшая в это время Атлантику, наверняка горячо воспротивилась бы такому выбору. Моя мать тоже была недовольна. Однажды вечером, стоя у открытого окна своей спальни, я невольно подслушала разговор родителей, происходивший в кабинете отца, этажом ниже.

– Поручить воспитание моей дочери монахиням? Какая нелепость! – говорила моя мать.

– Она и моя дочь тоже.

– Это ты так думаешь! – возразила моя мать так тихо, что я едва уловила ее слова, и тут же услышала, что отец смеется.

Я уже говорила, что это был просто святой человек, ему никогда не пришло бы в голову истолковать слова моей матери буквально. Кроме того, он действительно обожал ее.

– Конечно, дорогая. Джили вся в тебя – смышленная и, может быть, даже станет в один прекрасный день такой же красивой, как ее мать, но ведь я тоже имею на нее какие-то права, не так ли? Помнишь, что любит повторять наш старый пономарь?

Мать понимала, что зашла слишком далеко, и не стала продолжать спор. Голос ее потеплел:

– «Ты не сможешь отвернуться от чада твоего, отче...»

И это действительно так, Гарри. Я так рада, что у малышки твои чудные темные волосы и твои серые глаза. Я всегда говорила, что природа совершенно напрасно израсходовала столько красоты на мужчину. Ладно... В общем, монастырь не так уж плох. Но ведь у нас где-то был еще проспект другой школы, где же он?.. Школа, по-моему, получше монастыря и не намного дороже.

– Но гораздо дальше. Девоншир! Подумай только о железнодорожных билетах. Не беспокойся, дорогая. Я знаю, в школах при монастырях не бывает стипендий, но...

– Пойми, я боюсь, что они воспитают ее в религиозном духе.

Голос моего отца зазвучал удивленно:

– Но, дорогая, здесь я едва ли буду возражать.

Мать рассмеялась.

– Извини, я не так выразилась. Я имею в виду, что религиозным воспитанием там занимаются в ущерб остальным наукам, особенно естественным. А Джили нужно заниматься именно наукой, как мне кажется. Она хорошо соображает, и у нее отличная память, это у нее от меня...

Голоса стали тише – наверное, родители отошли от окна вглубь комнаты. Я высунулась как можно дальше и услышала обрывки фраз отца, что-то о «местной школе всего в двух остановках». В ответ на это прозвучала патетическая отповедь матери, и хотя я не могла разобрать всего, что она говорила, воображение легко восполнило пробелы: ее дочь –

и в местную школу?! Плохо уже то, что ей пришлось ходить туда в начальную школу, но чтобы еще и в среднюю? Остаться там до семнадцати-восемнадцати лет и выйти оттуда, обзаведясь дурными знакомствами и акцентом, как у шахтерских детей?! Ни-ко-гда.

Все сказанное матерью было протестом женщины, в одиночку справлявшейся с жизненными трудностями, замкнутой в узком социальном кругу, и не казалось в ту пору чем-то необычным или не соответствующим приличиям. Не стоит забывать, что мать получила колониальное воспитание и представление о доме навсегда осталось у нее викторианским.

Кроме того, мне кажется, в ней говорила обида из-за нереализовавшихся возможностей, обманутых надежд и амбиций. Дочь моей матери (не отца, а именно матери) должна была достичь всего того, чего не удалось добиться ей самой, – если образование, то самое лучшее, университет, наука – почему бы и нет? У ее дочери должно быть то, в чем было отказано женщинам ее поколения, – свобода, возможность выбирать свой путь в жизни. Да, ее дочь должна получить все это и еще многое другое – то, на что она окажется способна.

И так далее. Я прекрасно понимала свою мать, как, впрочем, понимала я и постоянные возражения отца, который в душе был не меньшим викторианцем, чем мать. Если бы речь шла о сыне, тогда да: хорошая школа, университет, нау-

ка... Но зачем это дочери? Дочь выйдет замуж и обретет высшее счастье, выполнит единственное предназначение любой женщины – станет женой и матерью, хранительницей семейного очага. Зачем ей все это образование?

Мать снова подошла к окну. Голос ее был чистым и резким. Теоретические дебаты кончились. Она должна была воплотить свою мечту в жизнь, а в пылу споров понятия такта для нее не существовало.

– Если она не сможет сама зарабатывать себе на жизнь и не выберется отсюда, то где, боже мой, она сумеет найти достойную пару? Ты действительно хочешь, чтобы она жила дома и в конце концов сделалась просто «дочерью священника», рабочей лошадкой для всего прихода?

– Как жена священника? – грустно спросил отец.

Теперь, пройдя свой жизненный путь, полный несчастий и разочарований, я понимаю, что пережила моя мать. Талантливая, умная, красивая женщина, наделенная какой-то колдовской силой, которую в ней чувствовали все, она постепенно согнулась под тяжестью постоянной бедности, каждодневной изнурительной работы и одиночества, поскольку мой отец был слишком погружен в дела своего прихода, а все родственники матери жили в Новой Зеландии. К этому со временем добавилось и разочарование. Отец был вполне доволен своей работой и никогда бы не стал прокладывать себе дорогу в высшие церковные сферы, о чем, я думаю, мечтала моя мать. Тогда я не размышляла об этом. Просто я часто

замечала, что между родителями, несмотря на глубокую и искреннюю любовь друг к другу, время от времени пробегают какая-то тень, о которой не принято говорить.

Наступила пауза. Наконец я услышала изменившийся голос матери:

– У меня есть все, Гарри. Все, о чем я могу только мечтать. И ты это знаешь.

Короткая пауза – и дальше, но уже намного мягче:

– Я очень надеюсь, что Джейлис тоже обретет свое счастье, как мы с тобой. Но ведь может так случиться, что она никогда не выйдет замуж, а мы ничего не сможем ей оставить.

– Даже дом. Я знаю. Ты, как всегда, права. Предложение твоей сестры – просто рука Провидения, как бы она сама это ни называла. Ну, так что же мы решим? Ты можешь заставить себя согласиться на монастырскую школу? Твои страхи насчет уровня образования, я думаю, необоснованны. Я просмотрел задания к вступительным экзаменам. Мне они показались довольно сложными.

– Еще бы! Хорошо, пусть будет по-твоему. Но, боже мой, монастырь!

– Это дешевле всего, – закончил мой отец просто.

По всей видимости, на этом разговор и закончился, так как вскоре меня послали в монастырскую школу.

Это было мрачное место среди скал на восточном побережье. Страхи моей матери о чрезмерном влиянии монахинь

действительно оказались необоснованными. Сестры верили в систему, которую они называли «школьным самоуправлением» и которая заключалась в следующем: в классе выбирали так называемого «лидера», обычно самую сильную и популярную девочку. В ее обязанности и в обязанности ее «заместительницы» – ближайшей подруги и наперсницы – входило наблюдение за порядком, в том числе и наказание провинившихся. Может быть, эта система и казалась монахиням хорошей, ведь она позволяла им экономить массу времени и усилий, но для застенчивой, нелюдимой девочки, которой я была в то время, она оборачивалась кошмаром, долгие годы спустя возвращавшимся ко мне в снах.

Я появилась в школе уже с репутацией «умной девочки», которую я заслужила, с блеском пройдя «трудные» вступительные экзамены. После этого меня определили в класс, где ученицы были на два года старше меня. Стипендий в монастырской школе не платили, поэтому я была, пожалуй, единственной, кто с головой погрузился в учебу. Скоро я стала первой ученицей в классе, но вместо одобрения и признания, которых я так жаждала, я заслужила репутацию «зубрилы» и стала предметом постоянных насмешек и оскорблений. Мне только-только исполнилось восемь лет. Защитить меня было некому, и школа превратилась в бесконечную пытку. Днем было тяжело, но это было ничто по сравнению с тем, что творилось ночью: общие спальни становились местом самых изощренных издевательств. А мы, за-

пуганные малыши, даже не думали жаловаться монахиням. Наказание за такое «преступление» нельзя было себе вообразить. Каждый вечер после службы монахини, едва слышно ступая, проходили по спальням – головы опущены, лица скрыты клобуками, руки в широких рукавах ряс, – и все мы, и мучители, и жертвы, делали вид, что крепко спим. Когда дверь за монахинями закрывалась, ночной кошмар возобновлялся.

Даже дома я никому не рассказывала об этом. Дома – в самую последнюю очередь. В детстве я привыкла к одиночеству, к мысли, что меня не любят, что я – нежеланный ребенок, к постоянному страху. Так я жила и в школе, семестр за семестром, и единственным моим убежищем была библиотека, где я читала книгу за книгой, давно оставив позади всех старших девочек нашего класса, которые дразнили и обижали меня. Лучом света в этой мрачной школе была мысль о каникулах. Не о беспросветной скуке шахтерского поселка и даже не о прогулках с отцом, а исключительно о встречах с моим преданным другом Ровером.

Даже слишком преданным. Ровер слушался и любил только меня. Мать терпела его около года. Когда я была в школе, его сажали на цепь, так как некому было его выгуливать. А когда его изредка отпускали, он тут же убегал далеко в поля, надеясь, что найдет там меня. Мать, как она это объяснила, боялась, что он станет пугать овец, поэтому, когда я в очередной раз приехала на каникулы, мне сказали, что Ровер

«пропал».

Конец всему. Современным детям, наверное, будет трудно понять меня, но я не решилась спросить, когда и как это случилось. Я не проронила ни слова и не позволила себе заплакать. Она не увидит моих слез.

Птицы и мыши, кролик, теперь – любимая собака. Больше я не пыталась заводить себе друзей. Я замкнулась в себе и терпела, пока в один прекрасный день не наступило освобождение. Помощь пришла неожиданно. В школе стало известно, что я верю в волшебство. Доверчивая девочка, слишком юная и неопытная даже для своих лет (мне тогда исполнилось десять), я рассказала об этом своей однокласснице, которая разболтала остальным. Мифы и легенды кельтов, полные магического очарования сказки Эндрю Ланга, Ханса Кристиана Андерсена и братьев Гримм будоражили мое воображение. А наша уединенная монастырская жизнь, церковные легенды о святых и чудесах, живые изображения ангелов и праведников очень хорошо сочетались с моей наивной верой в фей и волшебников и делали сказочный мир не менее реальным, чем настоящий.

Итак, по школе прошел слух, что маленькая Джили Рэмси верит в волшебство. Первыми отреагировали девочки из старших классов. Они относились ко мне лучше, чем одноклассницы, поэтому просто придумали следующую шутку: каждый день они писали мне записку от Королевы фей и прятали ее в солнечных часах в самом дальнем углу школь-

ного парка, прятались в кустах и наблюдали, как я беру эту записку и кладу на ее место свою. Я уже не помню ни как это началось, ни что было в записках, помню только, что для меня это было собственным, самым дорогим секретом. Находя новую записку, я очень радовалась, убегала в лес, где спокойно читала ее и писала ответ.

Последний раз это произошло в июне, в середине второго семестра. Коротенькая записка, спрятанная под огромным мшистым камнем, гласила:

*Дорогая Джили, в последнем письме ты написала мне, что хочешь иметь фею-крестницу. Я согласна. Соро ты получишь от нее письмо.
Королева фей Титания.*

До сих пор не знаю, что они замыслили, какую шутку собирались сыграть со мной после этого письма. Вдруг какой-то шелест, какое-то неясное движение в кустах привлекли мое внимание. Я подняла голову и увидела девочек, наблюдающих за этой комедией.

Я вскочила на ноги. Не знаю, что бы я сделала, как бы отреагировала на очередную насмешку, но тут в противоположном конце парка кто-то закричал:

- Джили! Джили Рэмси!
- Я здесь.
- Тебе письмо!

Я увидела, как по дорожке ко мне бежит толстушка Элис Бэнгл, такая же жертва насмешек в нашем классе, как и я, а

значит, почти подруга. В руке она держала письмо.

Даже не взглянув в сторону кустов, я взяла конверт и громко сказала, обращаясь к Элис:

– Спасибо, Эл. Да, я узнаю почерк. Это от моей крестной, она скоро заберет меня отсюда.

После этого я скомкала злополучную записку от Королевы фей, бросила ее на землю и побежала в школу. Старшеклассницы вышли из-за кустов, одна из них закричала мне что-то вслед, но я даже не обернулась. В первый раз я смогла защитить себя, дала им понять, что их мнение меня не интересует! Наверное, мои учителя поверили, что их выдуманная история вдруг превратилась в настоящее волшебство.

Так оно и было. Письмо написала, как я и предполагала, моя мать. Она присылала их в один и тот же день каждую неделю. Начиналось оно всегда с самого ласкового прозвища, которое дала мне мать:

Милый Цветик!

Тетя Джейлис вернулась домой из Новой Зеландии и навестила нас в прошлую пятницу. Она была очень недовольна тем, что ты учишься в монастырской школе, а поскольку она почти полностью оплачивает твоё обучение, мы должны считаться с её мнением. Ты перейдёшь в другую школу. Там, правда, тебе опять придётся сдавать вступительные экзамены, но мне кажется, что ты справишься. Новая школа имеет прекрасную репутацию, уровень преподавания там очень высокий, кроме того, лучшим ученикам

*платят стипендию, а ты должна помнить, что
каждый пенни...*

Благослови тебя Бог, тетя Джейлис! А если точнее выбирать слова, то спасибо тебе! Теперь я все начну сначала.

Глава 3

Жизнь в новой школе пошла как нельзя лучше. Моих знаний все еще хватало, чтобы учиться без труда, хотя все так же недоставало ума скрывать это. Впрочем, я поняла, что удобнее всего быть второй или третьей ученицей в классе. Я довольно хорошо играла в разные игры и неплохо рисовала, что очень нравилось моим одноклассникам. Не знаю, была ли я там счастлива, но годы учебы летели быстро.

Сама школа представляла собой прекрасное здание восемнадцатого века, окруженное парком и лесом, где нам разрешали гулять в свободное время. Наверное, только я одна пользовалась этим разрешением. В детстве я привыкла к одиночеству и теперь старалась как можно быстрее избавиться от общества своих одноклассниц и сбежать в лес, где стоял полуразрушенный летний домик, который я считала своим. В дождливые дни вода ручьями текла сквозь крышу, стены были ветхие и грязные, но зато рядом находилась пахнущая медом липовая аллея, а если долго сидеть в этом домике неподвижно, то в двери начинали заглядывать рыжие белки, а птицы возвращались в свои гнезда под карнизом.

И вот это произошло еще раз – возвращение в самый счастливый из дней моего раннего детства.

Была середина семестра, мне недавно исполнилось четырнадцать лет. Почти все ученицы ушли гулять с родителями,

поэтому я была свободна. Мои родители никогда не навещали меня. Я сидела в своем летнем домике и рисовала. На колченогом столе передо мной стояли в вазе большие шаровидные цветы, которые я сорвала неподалеку.

Вдруг снаружи послышался приглушенный звук шагов на обросшей мхом тропинке, и голос тети Джейлис радостно произнес:

– Я так и думала, что найду тебя здесь. Ты уже пила чай?

– Ой, тетя Джейлис! Нет, не пила.

– Тогда пойдем к реке. Я захватила кое-что с собой.

Устроим пикник, а цветы дорисуешь потом, когда вернемся.

Кажется, я даже не спрашивала ее, как она приехала и как ей удалось меня найти. Наверное, она все-таки казалась мне сказочной волшебницей. По-моему, она каким-то образом узнала, что нам не разрешалось ходить к реке, поэтому мы пошли в обход. Никто нас не видел. Мы пересекли площадку для крикета и пошли вдоль берега реки, под старыми дубами. За деревьями блестел на солнце изгиб реки, солнечные лучи играли в темно-зеленой листве. Чуть поодаль виднелась небольшая плотина, у нее мы и присели на траву. Тут же раздался плеск воды – прямо около нас с полузатопленной коряги сорвался зимородок, схватил зазевавшуюся рыбешку и исчез в своей норке.

– Помнишь личинку стрекозы, – спросила тетя Джейлис, – и миссис Тиггивинкл?

– *Coccinella*, – серьезно сказала я, – и *Erinaceus europaeus*?

Конечно помню.

Она засмеялась:

– Бедняжка. У тебя всегда была хорошая память, ты, наверное, хорошо учишься? И рисунки, которые я видела, очень и очень ничего. Сколько тебе сейчас?

– Четырнадцать. В будущем году сдаю экзамены.

– Ну а потом? Ты уже решила, что собираешься делать дальше?

– В общем, нет. Мама говорит – в университет, а потом преподавать, но...

– Но?

– Но мне хотелось бы рисовать...

Думаю, в то время для меня «рисовать», «стать художником» в первую очередь означало независимость, залитую светом мансарду, из окна которой открывается вид на Париж, наконец, покой в одиночестве, которого мне так часто не хватало. Я очень хотела учиться рисовать, но на это требовались большие средства. Тетя Джейлис и так внесла почти всю плату за мое обучение в школе. Даже если бы она вдруг оплатила мне еще и художественную школу или если бы я смогла получить стипендию (мой учитель считал это вполне возможным), мать никогда не пустила бы меня. Она совершенно недвусмысленно дала мне это понять. Так что вариант у меня был один – плыть по течению, то есть получить стипендию в университете, потом преподавать, потом, если повезет, встретить кого-нибудь...

– Если ты действительно хочешь рисовать, что может тебя остановить? – весело спросила тетя Джейлис. – Талант у тебя есть. И нечего скромничать.

– Да, но видите ли... – начала я и запнулась на полуслове. Она, наверное, читала мои мысли.

– И не надо говорить всякую чепуху типа «нет шансов», «не повезло» и так далее. Единственный шанс и единственное везение, данные человеку, – это талант, с которым он родился на свет. Все остальное зависит от него самого.

– Да, тетя Джейлис.

Она прищурилась.

– Ладно. Проповедь и допрос кончились. Теперь давай перекусим и поговорим о чем-нибудь другом.

– Давайте, – с облегчением сказала я.

И то и другое предложение было как нельзя кстати. Для перекусывания предназначались, как выяснилось, сэндвичи с жареным яйцом и кресс-салатом, которые после школьной пищи показались мне настоящим лакомством. Я откусила большой кусок.

– Тетя Джейлис, вы действительно объехали вокруг света? Где вы побывали?

Пока мы сидели на берегу реки, она рассказывала мне о разных странах и городах так живо и ярко, что даже сейчас, вспоминая тот день, экзотические пейзажи далеких стран, где побывала тетя, возникают у меня перед глазами так же

отчетливо, как и блестящие изгибы тихой английской речки, и голубое оперение зимородка.

Церковные часы гулко пробили пять. Пора возвращаться в школу. Мы собрали остатки пикника и положили все в сумку тети Джейлис. Праздник кончился. Надо спускаться с небес на землю.

– Немного похоже на тот раз, правда? – сказала я. – Вы появились из ниоткуда, как добрая фея, солнце светит, мы прекрасно проводим день вместе, а потом снова начинается обычная жизнь. Знаете, когда я училась в монастырской школе, я представляла, будто вы – волшебница. Честно говоря, я и сейчас иногда так думаю. Это так здорово – иметь крестную мать волшебницу! И еще, вы сказали в прошлый раз одну фразу, и я с тех пор об этом думаю. Помните, когда личинка стрекозы выбралась из пруда и улетела?

– Конечно помню. И что же?

– Я тогда спросила, умеете ли вы колдовать, и вы ответили, что умеете немного. Это правда? Что вы имели в виду?

Не отвечая, она вытащила из сумки предмет, больше всего похожий на теннисный мяч, завернутый в черный бархат. Положив его на ладонь, она откинула бархат, и я увидела перед собой искрящийся на солнце хрустальный шар. Маленький мир золотистых и сине-зеленых сполохов, отражающий на своей поверхности каждое дуновение ветерка в темно-зеленой листве дубов.

– Не знаю, могу ли я действительно делать чудеса, – снова

заговорила моя крестная, – но иногда я могу предсказывать будущее, далекое и близкое. Еще не волшебство, но уже кое-что, а?

Я не совсем поняла и продолжала возбужденно:

– Значит, вы видите будущее в хрустальном шаре, да?

– В общем, да.

– Так это действительно правда?

– Конечно правда.

Я, словно замороженная, уставилась на сверкающий шар.

– Тетя Джейлис, пожалуйста, не могли бы вы заглянуть в него и узнать, что будет?

– С тобой, ты имеешь в виду? – Взгляд тети был одновременно и ласковым, и серьезным. – Все имеют в виду себя, когда спрашивают о будущем.

– Извините. Просто... вы спрашивали меня, что я собираюсь делать после школы... но если можно посмотреть...

Я окончательно смешалась и замолчала.

– Не извиняйся, – улыбнулась тетя. – Все мы одинаковы. Я сама сразу же заглянула в свое будущее.

– Правда?

Боюсь, в моем голосе слишком хорошо слышалось наивное удивление. В те годы мне казалось, что тете в ее возрасте уже незачем интересоваться будущим. Вся ее жизнь была, как я полагала, в прошлом.

Она ничуть не рассердилась.

– Ну а разве ты, – со смехом сказала тетя, – разве ты не хо-

тела бы знать, когда же это все наконец для тебя закончится?

– Н-нет. Никогда!

– На самом деле выбора нет, все известно заранее. Заглядывая в хрустальный шар, ты можешь увидеть то, что произойдет завтра, или то, что случится через десять лет. Ну как, хочешь попробовать?

– Не знаю. А как бы вы сделали?

– Сама-то я уже посмотрела и увидела все, что мне было интересно знать. Если хочешь, теперь давай ты.

Хрустальный шар в ее руке ослепительно сверкал на солнце. С одной стороны его поверхность была темнее, отражая темную воду реки. Я заколебалась.

– Но как это делается? Надо просто смотреть, и все?

– И все. Не бойся, может, ты увидишь только то, что находится вокруг нас. Вот, возьми. – Она положила хрустальный шар на мою ладонь. – Ни о чем не думай и загляни в него без страха, без надежд и без опасений. Просто смотри, и все.

Я опустила взгляд на сверкающий шар. Увидела на нем искаженное отражение своего лица. Искрящуюся гладь реки. Вспышку, брызги, зимородка. Стайку черных, словно головастики, силуэтов, которые, судя по щебету, на самом деле были стрижами. Еще одну стаю – белую, бесшумную, которая словно снежная метель налетела на верхушки деревьев, – голуби, как гигантские снежинки, кружились в вышине, медленно опускаясь все ниже и ниже. Наконец в шаре снова отразились мои глаза, бордовое пятно школьного блейзера, де-

ревья за спиной. Я моргнула, подняла голову. В небе не было ни единой птицы.

– Ну? – спросила тетя.

– Ничего, – ответила я. – Как вы и говорили, только то, что вокруг нас. Деревья, река, стайка стрижей, голуби. – Я еще раз оглянулась. – Да где же они? Куда они делись?

– Они там, где и были, – в хрустальном шаре.

Я широко открытыми глазами смотрела на нее.

– Значит, они не настоящие?! Не может быть! Смотрите, вот они снова!

Стайка стрижей, пронзительно свистя, пронеслась над нашими головами.

– Эти? Да. Но голубей здесь нет, – улыбнулась тетя, наклоняясь, чтобы взять шар из моих рук.

– Тетя, честное слово, разве здесь не летала стайка голубей – белые и несколько черных и серых? Вот здесь, над деревьями?

– Именно так.

– Значит, – у меня перехватило дыхание, – я что-то увидела?

– Похоже на то.

Не веря своим ушам, я наконец перевела дух и спросила:

– Но что это значит? Откуда эти голуби?

Тетя тщательно обернула шар бархатом, аккуратно уложила его в сумку и только потом повернулась ко мне.

– Это значит как раз то, что я хотела знать. Что ты дочь

своей матери и, за неимением лучшего слова, моя крестница.

Несмотря на мои недоуменные вопросы, объяснение на этом и закончилось.

Я решила вернуться к тому, о чем она уже говорила раньше.

– Вы сказали, что заглядывали в собственное будущее. Что вы там увидели?

– Для того чтобы знать свое будущее, хрустальный шар мне не нужен. – Мы медленно шли по направлению к школе. Взгляд тети был устремлен ввысь, за верхушки деревьев, в небо. – Еще немного поезжу, еще чему-нибудь научусь. Ты знаешь, что я всегда увлекалась ботаникой и собирала гербарии? Я привезла замечательную коллекцию из своего путешествия. Вот так. А потом – домой. – Она быстро взглянула на меня. – Теперь у меня есть свой дом. Недавно я увидела его, и мне показалось, что он идеально мне подходит, поэтому я купила его. В один прекрасный день ты обязательно его увидишь.

Не «приезжай погостить», не «наверное». Просто – «обязательно увидишь».

– А какой он? – спросила я.

– Хороший, в густом лесу, с садом, а за садом – река. Фруктовые деревья, цветы, посаженные для пчел. Идеальное место для любителя ботаники. Зимой тишина, а летом – только пение птиц. Абсолютно уединенное место, где есть все, чтобы хорошо отдохнуть.

В моем возрасте уединенный отдых казался весьма мало-привлекательным, но вот...

– А животных вы будете держать?

Тетя печально улыбнулась.

– Ты до сих пор еще думаешь об этом? Бедный ребенок. Ну ладно. Я скажу тебе, что я видела в хрустальном шаре.

– Что?

– Тебя и меня, – просто ответила тетя. – И еще голубей, ежей и твоего бедного Ровера. Когда-нибудь мы все заживем там вместе.

Мы уже стояли на пороге школы. Стараясь не глядеть тете Джейлис в глаза, я проговорила:

– Не думаю, что это бывает на самом деле. Все эти «они жили долго и счастливо».

– Не бывает, – ласково ответила она. – Но ведь счастье зависит от тебя самой. Оно внутри каждого из нас. Я буду ждать тебя там, в своем новом доме. Может быть, не так долго, как хотелось бы. – Она протянула руку и распахнула передо мной дверь. – А теперь иди и не забудь свои цветы и краски в летнем домике. Я заходить не буду, мне еще надо успеть на поезд. Прощай.

Дверь между нами захлопнулась.

Глава 4

Университет я так никогда и не закончила, но моя мать этого уже не узнала. Она умерла, когда я была на первом курсе. Отец заехал навестить меня в Дареме после собрания капитулы, и мы решили отправиться домой вместе. Там нас ждал полицейский, а у порога толпилась кучка зевак.

Люди шепотом рассказывали друг другу подробности: утром моя мать выехала на машине в местечко Динери, чтобы навестить одну престарелую леди, а на обратном пути попала в аварию. Ее машина была полностью смята – молодой сын фермера, только что получивший права, выехал на полной скорости на шоссе с боковой дороги, по которой никто никогда не ездил, и не успел затормозить. Или, скорее всего, по ошибке нажал педаль газа. Узнать правду было невозможно, так как юноша погиб на месте. Мать прекрасно водила машину, но обстоятельства были сильнее.

Все, что последовало за этим, – ответы полицейским, визит родителей погибшего фермера (а отец считал своим первым долгом поддержать и успокоить их), похороны, расходы по которым мой отец взял на себя, службу в церкви и речь на кладбище – он перенес как-то очень тихо и отрешенно. Ел то, что я ставила перед ним на стол, поднимался в свой кабинет, потом шел в церковь, возвращался, снова сидел в кабинете, потом ложился спать.

Наутро после похорон он не вышел к завтраку. Я пошла к нему в спальню и увидела, что он все еще в постели. Первый раз в жизни отец отказывался вставать. «Последствия нервного потрясения», – сказал доктор, когда я за ним послала. Конечно, он был прав, но я знала, что главная причина была не в этом. Моя мать питала отца, как живительный родник. Теперь этот родник иссяк.

Естественно, ни о каком обучении вдали от дома не могло быть и речи. Даже если мой отец смог бы нанять домоправительницу, нужно было, чтобы он прежде всего поправился и встал на ноги. Поэтому я сразу же написала письмо в университет, объяснив им свою ситуацию. Стыдно признаться, но я не могла избавиться от неприятного чувства, возникшего из-за того, что я должна была ухаживать за отцом. Наверное, если бы моя мать попала в такое же положение, она не только не приняла бы никакой помощи, но даже не захотела бы, чтобы я оставалась дома.

Однако у меня не было иного выбора, кроме как остаться с отцом. Беззаботная жизнь прошла как сон, и в особенно тяжелые минуты казалось, что навсегда. Холмы Камберленда, спокойные и тихие, словно во времена Уордсворта, университет в Дареме, его башни и парки, а самое главное – одиночество, которое так способствует учебе, позволяя поглощать книгу за книгой... Все это уже в прошлом. Я снова попала в западню – уродливые кирпичные дома, серые холмы отработанной породы и столбы черного дыма. До самого

моря тянулся этот унылый ландшафт, усеянный шахтерскими поселками.

Впрочем, уныние было недолгим. Я любила своего отца, была молода, а кроме того, стыдно признаться, но после смерти матери я испытала некоторое облегчение. Я с удивлением обнаружила, сколько удовольствия, например, может доставлять управление домом, хозяйством, делами прихода – все то, что раньше входило в обязанности матери. Единственной проблемой было постоянно ухудшавшееся здоровье отца. Иногда – не очень часто, поскольку молодости несвойственно грустить слишком долго, – я размышляла по ночам о горькой участи, которая ждет меня после смерти отца. Он, наверное, тоже думал об этом, хотя никогда не говорил со мной на эту тему. Вопрос «Где будут жить мои дети, после того как я завершу свой земной путь?» знаком всякому священнику. В душе отец надеялся на традиционное для его поколения решение: я выйду замуж и у меня будут дом и семья. Однако он никогда не задумывался о том, как это все может произойти при моем образе жизни: в одиночестве и изоляции.

Конечно, в старших классах школы у меня появились друзья, но эти отношения редко переходят во взрослую жизнь. Несколько раз я ездила в гости к своим школьным подругам, но их ответный визит в наш мрачный, унылый поселок всегда оборачивался неудачей и для меня, и для них. То же самое происходило и в университете в Дареме: друж-

ба, которую нельзя перенести на домашнюю почву, не может продолжаться долго. Отношения с молодыми людьми тоже не складывались: я была слишком серьезной и стеснительной. Приведу самый безобидный «комплимент» в свой адрес: «совсем заработалась». Итак, я отучилась свой первый и единственный год в университете, даже не влюбившись и едва осознавая, что я теряю.

Так продолжалось несколько лет. Потом началась война, которая вытеснила все наши личные заботы и проблемы. Мы уже давно потеряли связь с тетей Джейлис, вернее, это она перестала ее с нами поддерживать. Я не видела ее с тех самых пор, как заглянула в хрустальный шар на берегу Идена. Я писала ей время от времени, но ответа не было. Она не дала о себе знать даже после смерти матери. Тогда я написала ей письмо на единственный бывший у меня адрес – адрес ее поверенных в Солсбери, но ответа не получила. Тетя могла быть за границей, могла путешествовать и затеряться в суматохе войны. Наконец, ее тоже могло уже не быть в живых. Так постепенно тетя Джейлис стала для меня сказочным воспоминанием из далекого детства.

Через три года после окончания войны умер мой отец. Умер он так же, как и жил, – тихо, спокойно, думая больше о других, чем о себе.

После похорон, дождавшись, когда все разойдутся, я пошла в церковь, закрыла ризницу и медленно побрела через кладбище к дому. Стоял теплый августовский вечер, тропин-

ка была вся усыпана листьями, семенами трав и цветов. Деревья неподвижно замерли на фоне закатного неба.

Несколько соседских женщин, которые помогали мне после смерти отца, все еще сидели на кухне и пили чай. Я тоже выпила с ними чаю, потом они вымыли посуду и ушли.

Я осталась одна в пустом и уже чужом доме. Сев в кресло-качалку около угасающего камина, я глубоко задумалась. Итак, свершилось самое худшее, чего так боялись мои родители, — я осталась одна, без дома, без денег, без семьи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем в дом переедет семья нового священника. А что же будет со мной? Надо продать всю мебель, все вещи, постараться выручить как можно больше денег и начинать искать работу.

Но где? И какую работу? После года в университете, где я начала изучать биологию, геологию и химию, я (как желчно заметила бы моя мать) могла претендовать только на должность квалифицированного бездельника. Даже работа в начальной школе требовала законченного образования, не говоря уже о том, что в конце сороковых найти любую работу считалось большой удачей. Хватит. Я резко остановила кресло, собираясь встать. Утро вечера мудренее. Может быть, сон придаст мне силы и подскажет верное решение. В камине треснул уголек, и мне показалось, что в пустом доме даже этот звук вызвал неприятное гулкое эхо.

Раздался звонок.

За дверью стояла одна из давешних женщин. В руке она

держала конверт.

– Извините, мисс Джили, забыла вам передать письмо. Оно пришло сегодня утром, но было столько дел, уборка... Вот оно.

Я поблагодарила ее и взяла письмо. Женщина колебалась, не отводя от меня взгляда.

– Может быть, я могу вам еще чем-то помочь? Нехорошо вам оставаться одной в доме после того, как ваш отец... Одним словом, может, зайдете и поужинаете с нами?

– Вы очень добры, миссис Грин. Все в порядке, честное слово. И спасибо за письмо. Вам не стоило беспокоиться, оно могло подождать и до завтра.

– Ну что ж. Если вы так уверены... Тогда завтра я приду к вам с утра, помогу по дому. Спокойной ночи, мисс Джили.

– Спокойной ночи, миссис Грин.

Вернувшись к остывающему камину, я прежде всего посмотрела на конверт. Адрес напечатан, а не написан от руки. Вверху – смутно знакомый логотип какой-то компании. Внутри большого конверта лежали конверт поменьше и письмо. Я прочитала его. Медленно опустилась в кресло. Потом прочла еще раз.

Письмо было от компании «Мартин & Мартин», поверенных тети Джейлис из Солсбери. Они уполномочены передать мне письмо моей тети – мисс Джейлис Саксон, которая умерла месяц назад, 16 июля, от пневмонии. К письму мисс Саксон они прилагают копию завещания, по которому я являюсь

единственной наследницей тети, следовательно, мне отходит дом тети со всем содержимым. Около года назад тетя дала указания поверенным, с тем чтобы это письмо и копия завещания попали ко мне в руки 12 августа 1948 года. По печальному стечению обстоятельств эта дата почти совпала со смертью тети. Поверенные выражали мне свое соболезнование, извинялись, что вынуждены сообщить такие грустные новости, и надеялись, что в будущем я буду так же пользоваться их услугами, как это делала моя тетя. Не буду ли я так любезна сообщить, когда я намереваюсь приехать, и т. д.

Негнушимаися пальцами я открыла маленький конверт. Никогда до этого я не видела почерк тети Джейлис, но тот почерк, который я увидела, был каким-то образом похож на нее.

Моя дорогая Джейлис,

я не давала тебе свой адрес, потому что в последнее время живу очень уединенно. Но если хочешь, приезжай в Уилтшир, поместье Торнихолд, на краю Уэстермейнского леса. Поезд идет до станции Сейнт-Торн, а дальше дорогу знает таксист.

Совпадений не бывает. Дом теперь твой и ждет тебя. Не откладывай приезд надолго. Здесь есть все, что тебе нужно. Бери все и будь счастлива, моя милая. Присматривай за Ходжем. Он будет по мне скучать. Твоя тетя Джейлис.

В камине погас последний уголек. Я смотрела на дату, стоящую внизу письма, и не могла оторвать от нее глаз: 9 декаб-

ря 1947 года. Больше полугода назад.

Глава 5

Не знаю, как я представляла себе тетин дом. Обычно так и бывает, что представления и фантазии совершенно не совпадают с реальностью и очень скоро вытесняются ею. Наверное, я воображала себе этакий старинный дом с почтовой открытки – романтичный, крытый соломой, утопающий в цветах – огромные чайные розы на изгороди, сирень, достающая чуть ли не до дымовой трубы. Одним словом, живописную картинку из своего раннего детства.

На деле все, конечно, оказалось не так. Как я узнала, когда-то этот дом был частью огромного поместья и принадлежал управляющему. В нескольких милях от него находилась деревня, построенная для работников комиссии по лесному хозяйству, выращивавших на нескольких акрах купленной комиссией земли хвойные деревья. Две длинные дороги прорезали лес до самого центра и в самом центре упирались в господский дом – теперь всего лишь груду развалин. Широкие каменные ступени вели в пустоту, к дверному проему, за которым ничего не было. Две сохранившиеся стены зияли отверстиями окон, широкий мощеный двор густо зарос травой. Запустение и забвение царили теперь в этом некогда процветающем викторианском поместье. Все указывало на то, что последний отпрыск рода, владеющего этой землей, скончался много лет тому назад. Кроме этих развалин и де-

ревни лесничих, которая называлась Уэстермейн, сохранились дом привратника, разделенный аркой ворот на две части, и дом управляющего, который в свое время купила тетя Джейлис.

В первый раз я увидела его дождливым сентябрьским днем, почти через месяц после смерти отца. Все было улажено – мебель я частично продала, частично оставила новым жильцам, зная, что дом тети Джейлис перешел ко мне вместе со всей обстановкой. Несколько любимых вещей отца я упаковала и оставила, с тем чтобы забрать сразу же после обустройства на новом месте.

До Сейнт-Торна я доехала на поезде. Нашу старую машину я продала в первую очередь – слишком много времени уходило на ремонт и бензин, который раньше поставлялся отцу бесплатно. Кроме того, я была уверена, что у тети Джейлис была своя машина, которой я смогу теперь пользоваться. Впрочем, это уже мелочи. Главное, мне хотелось как можно быстрее уехать. Распродажа имущества моих родителей заняла на удивление мало времени, поэтому меньше чем через месяц после смерти отца я уже стояла с двумя чемоданами на вокзале в Сейнт-Торне. В кармане лежала связка ключей от дома, присланная поверенными из Солсбери. Оставалось только найти таксиста, который знал дорогу до Торнихолда.

Искать пришлось недолго: такси стояло прямо у вокзала. Услышав адрес, водитель остановился, держа в руках мои чемоданы.

– Торнихолд, я не ошибся? Дом мисс Саксон? Пожилой леди, умершей несколько недель тому назад?

– Да.

Он уложил сначала один, потом другой чемодан в багажник и открыл передо мной заднюю дверцу машины.

– Ваша родственница? Примите мои соболезнования.

– Тетя. Сестра моей матери. Вы ее знали? Можно мне сесть спереди, рядом с вами?

– Конечно. Но сзади вам было бы удобнее. – Он открыл переднюю дверцу, закрыл ее за мной, после чего сел за руль, и мы поехали. – Нет, не могу сказать, что я ее знал. Скорее, был знаком. Она всегда брала мое такси, когда возвращалась из очередного путешествия. Она много путешествовала, правда? Даже объехала вокруг света! Да, есть люди, которые могут себе это позволить. Впрочем, дома, наверное, все равно лучше.

Взгляд в сторону, нарочито безразличный взгляд.

– Право, не знаю.

Я понимала любопытство водителя. Конечно, тетя не оставила мне баснословное наследство, но с несколькими сотнями фунтов моего отца оно дало бы мне возможность скромно прожить какое-то время не работая. Это было все, чего я хотела. Тем временем последние дома Сейнт-Торна остались позади, и дорога пошла между двумя крутыми склонами, густо поросшими плющом и остролистом. Мокрая листва блестела после недавнего дождя. Сквозь перепле-

тенные ветви ломоноса здесь и там мелькали красные ягоды жимолости. Я молчала. Однако я собиралась здесь жить, здесь теперь был мой новый дом, а рано или поздно люди все равно узнают о своих соседях абсолютно все.

– Я уже много лет не видела мисс Саксон. С тех пор как была ребенком. Но в Англии других родственников у нее нет, поэтому она оставила дом мне. Я собираюсь здесь поселиться.

– Ну что ж, – сказал водитель, и я почувствовала, что в его словах есть какой-то скрытый смысл. – Это не самое плохое место для жизни. Может быть, немного уединенное. Но у вас, я полагаю, есть машина?

– Сейчас нет. А у мисс Саксон была машина?

– Никогда не видел. Я встречал мисс Саксон всего несколько раз, когда отвозил ее домой с вокзала. Все живущие с той стороны леса отовариваются в Арнсайде. Но если вы решите купить машину, я могу помочь вам найти хороший подержанный автомобиль. Спросите гараж Ханнакера, что напротив кинотеатра, возле «Белого оленя».

– Спасибо. Это зависит от того, где я смогу покупать бензин.

– О, это совсем несложно. Я объясню вам, где получить талоны. Думаю, проблем у вас не будет.

– Спасибо еще раз, – сказала я. – Кстати, меня зовут Джил Рэмси. А вы – мистер Ханнакер?

– Да. Зовите меня просто Тед.

Я снова посмотрела в окно.

– Вы говорили об Уэстермейнском лесе. Это уже он?

– Еще нет, но скоро вы его увидите.

Я знала, что очень часто «лесом» называли не настоящий лес, а просто неогороженную необработанную землю, на которой некогда рос лес. Сейчас все изгороди и фермы остались далеко позади. Узкая белая дорога пересекала широкое поле, на котором папоротник цвета ржавчины перемежался с вереском и тростником и паслись коровы. На голубом осеннем небе выделялись темные верхушки елей, над которыми, словно дымок, вились грачи. Водитель указал пальцем налево. Я повернулась и примерно в полумиле от дороги увидела хрупкий и стройный силуэт оленя. То тут, то там я замечала кроликов, при виде машины в испуге бросавшихся в заросли утесника. Золотые листья берез напоминали старинные монеты. И ни одного дома, ни одной фермы. Затем дорога плавно пошла вниз, к горбату мостику через небольшую спокойную речку.

– Это Арн, – сказал мистер Ханнакер.

– А там, за деревьями, – Арнсайд? Мне показалось, я видела какие-то строения.

– Нет, Арнсайд в нескольких милях отсюда, за Уэстермейном. Вы видели старое аббатство, Сейнт-Торн. Уже, правда, давно не аббатство, а только развалины. Несколько колонн, одна стена и, может быть, пара рухнувших арок. – Произнес последние слова, он улыбнулся. – Никакой исторической

ценности, но когда-то, наверное, было необыкновенно красивое место. Вот мы и въехали в Уэстермейн.

После моста дорога стала подниматься. С обеих сторон ее плотно обступали дубы, березы и вязы, кое-где мелькали заросли остролиста. Упавшие на землю стволы и ветки никто не убирал, и они постепенно превратились в естественную изгородь из веток, плюща и папоротника. Приблизительно в пятидесяти ярдах от дороги лес становился таким же непроходимым, как африканские джунгли. Через одну или две мили я заметила, как среди листьев плюща мелькнула старая серая стена, в проломах которой росли деревья.

– Торнихолд, – объявил водитель.

Машина сбавила ход, повернула и въехала под массивную арку главного входа.

По обе стороны от него стояли два совершенно одинаковых домика. Очевидно, любовь архитекторов семнадцатого века к симметрии отразилась на этом архитектурном сооружении. На окнах колыхались нарядные кружевные шторы, выглядевшие в такой глуши не совсем уместно. Вот одна штора приподнялась, словно кто-то хотел выглянуть из окна, потом снова опустилась. Я перевела взгляд на второй домик. Оттуда никто не выглядывал, но за шторой одного из окон угадывалось смутное движение, будто кто-то качался в кресле туда-сюда, туда-сюда.

Набирая скорость, такси устремилось вперед по аллее.

– Странные домики, ничего не скажешь, – сказал мистер

Ханнакер. – Похоже, что в каждом из них всего по одной комнате. Наверное, старые хозяева решили подшутить и построили два дома вместо одного. Как вы думаете, может, у них спальня в одном доме, а гостиная – в другом?

– Даже не знаю. А кто там живет?

– Вдова Трапп. Это все, что сказала мне ваша тетушка. А люди здесь, знаете ли, держат свое при себе.

– Какая длинная аллея. Еще долго ехать?

– Еще с четверть мили. Дорога заканчивается совершенно неожиданно. Никогда бы не сказал, если бы не знал заранее... Смотрите-ка! Ну, что скажете?

– Да, если бы вы не предупредили...

Машина остановилась. Водитель вышел, открыл мне дверцу и кивнул куда-то в сторону.

– Я имею в виду, видите, там – дымок над трубой?

– Где?

Я резко повернулась и посмотрела, куда он указывал.

Дорога здесь заканчивалась небольшой круглой площадкой, чтобы машина могла развернуться. Однако сейчас она так густо заросла травой, что было похоже, что, кроме нашей машины, здесь никто никогда не ездил. К площадке, окруженной высокой терновой изгородью, вплотную подступал густой лес. В изгороди можно было различить некогда белую калитку, над которой возвышались колючие заросли. Их ветки были подрезаны так, что образовывали некое подобие арки. Над изгородью виднелась только серая черепица кры-

ши, покрытая тут и там желто-зелеными пятнами лишайника и розоватыми пучками живучки, уютно устроившимися за дымовой трубой.

Над ней поднимался даже не дымок, а едва заметно дрожащий теплый воздух.

– Наверное, поверенные договорились, чтобы кто-то встречал меня, – сказала я.

– Ну, тогда все в порядке, – ответил мистер Ханнакер. – Но я вас все-таки провожу. Ваш основной багаж придет позже, я полагаю?

– Да. Спасибо вам большое. Вы так любезны.

Он открыл передо мной калитку, потом взял оба чемодана и последовал за мной во двор. Вымощенная кирпичом дорожка, всего около десяти ярдов длиной, шла прямо к дому. Мы подъехали с северной стороны и сейчас пересекали участок сада, который почти всегда находился в тени. Но ни это обстоятельство, ни тот факт, что перед смертью теть Джейлис долго болела, не избавили меня от чувства горечи при виде этого сада. Конечно, в это время года достаточно нескольких недель, чтобы аккуратная мощеная дорожка превратилась в поросшую скользким мхом тропку, проторенную среди буйных зарослей сорняков. Но что самое печальное, дом тоже носил отпечаток заброшенности и упадка. Наверное, недавно здесь была гроза, потому что к окнам прилипли первые желтые листочки, водосточный желоб прогибался под тяжестью нападавших в него веток и сучьев, ото-

всюду капала вода. Начинался листопад, и все вокруг было усыпано опавшей листвой. Занавески на окнах висели как-то косо, словно их отдернула чья-то безразличная рука, а на первом этаже (скорее всего, на кухне) на подоконнике стояли засохшие цветы.

Но, конечно, это все были мелочи. Очень скоро заботливые руки новой хозяйки приведут все в порядок. Атмосфера запустения и неухоженности не помешала мне заметить, что дом был очень красив.

Пропорциональный, хоть и не очень большой, сложенный из серого камня, с нарядной деревянной дверью и высокими поднимающимися окнами. Без сомнения, южный фасад будет еще лучше – ведь на ту сторону выходят самые хорошие комнаты, а деревья растут чуть поодаль, пропуская в дом солнечный свет.

На двери была ручка в виде головы льва, держащей во рту кольцо. Наверное, когда-то медь сияла на солнце как золото, а теперь была тускло-зеленого оттенка. Я вытащила ключи, но засомневалась. Раз кто-то растопил камин, значит меня там ждут? Я взялась за кольцо, и в этот момент дверь распахнулась сама.

На пороге стояла женщина, лет на десять старше меня, мне же в ту пору исполнилось двадцать семь. Не очень высокая, с прекрасным цветом лица, голубоглазая и светловолосая. Щеки женщины были гладко-розовыми, а ямочки делали ее еще более привлекательной. Даже несмотря на пол-

новатую фигуру и чересчур толстые яркие губы, ее можно было назвать очень хорошенькой.

Сейчас, впрочем, она выглядела озабоченной. Она мельком взглянула на меня, на водителя, затем – на открытую калитку и такси за ней.

– Добрый день, – сказала я.

– Добрый день, мисс. – Ее голос, и без того приятный, был смягчен деревенским акцентом. – Мисс Рэмси, не так ли?

– Да. А вы?..

– Агнес Трапп, из дома у ворот. Я убирала здесь и не думала, что вы приедете сегодня. – Она выглядела растерянной, ее взгляд все время перебегал с меня на водителя, на такси, на мои чемоданы на крыльце, снова на меня. – Они сказали, то есть поверенные сказали, что мисс Рэмси скоро приедет, но они не назвали мне дату. И они никогда не говорили, что приедут две леди. Она осталась в машине, да? Пожилая леди, я имею в виду. Я приготовила пока только одну комнату, но уборка во второй не займет много времени. Если бы я только знала... Но все-таки лучше пригласите ее в дом, не заставляйте ее ждать так долго в машине...

– Пожалуйста, не беспокойтесь, – поспешно вставила я. – Все в порядке. Речь идет обо мне. Я и есть Джейлис Рэмси, наследница мисс Саксон. Второй леди нет.

– Но я думала... Они не говорили, и я просто решила, что...

Она запнулась и сглотнула. Ее руки нервно перебирали

передник. Вдруг она начала краснеть – сначала шея, потом щеки и лоб, так быстро, словно ее захлестнуло невидимой волной.

– Извините, – смутившись, начала я. – Поверенные не написали мне, что собираются попросить кого-то подготовить дом к моему приезду, а я не знала точно, в какой день смогу приехать, в противном случае я бы обязательно их предупредила. Они просто переслали мне ключи, поэтому я приехала, как только смогла.

Наверное, я говорила слишком торопливо и бессвязно. Я разволновалась так, будто застала эту женщину за каким-то предосудительным занятием и теперь сама стеснялась этого. Со мной частенько такое случалось. Чувство было знакомо, и с уже привычной просительной интонацией я произнесла:

– Так что, пожалуйста, миссис Трапп, не беспокойтесь. Все замечательно, я так благодарна вам за помощь.

– Ну что же, – улыбнулась та совершенно очаровательной улыбкой. В голосе ее почувствовалось облегчение. Краска схлынула с ее лица так же быстро, как и появилась. – Я действительно вела себя глупо. Видите ли, я решила, что наследница мисс Саксон будет постарше, чем вы. Добро пожаловать, мисс. Это хорошо, что вы приехали. Без соседей здесь, в Торнихолде, очень одиноко. Разрешите помочь?

И прежде чем я успела возразить, она подхватила оба чемодана и вошла в дом. Я заплатила мистеру Ханнакеру. Он попрощался, повторил свое обещание насчет машины и на-

правился к калитке. Я вошла в дом вслед за миссис Трапп.

Глава 6

Этот дом построили, скорее всего, тогда же, когда и господский, – об этом свидетельствовали изящные пропорции, присущие архитектуре восемнадцатого века, – естественно, с поправкой на более скромные запросы управляющего. Из квадратной прихожей в жилую часть дома вели две двери. За той, что была слева, сразу начиналась лестница с широкими ступенями, по которой можно было подняться на второй этаж. В глубине прихожей находилась невысокая арка, за ней следовало помещение как бы в продолжение прихожей, с окошком, расположенным под самым потолком, сквозь которое между деревьями можно было разглядеть небо. Справа от арки находилась другая дверь, ведущая, очевидно, в гостиную. Пол был выложен каменными плитами. Здесь уже давно не убирали – под ногами скрипел песок и мелкий мусор. Половики тоже нуждались в чистке.

Пока я осматривала прихожую, миссис Трапп успела поставить мои чемоданы и поспешила к прикрытой вылинявшей занавеской двери, той, что находилась прямо перед лестницей.

– Сюда, пожалуйста. Сейчас я включу свет. Здесь немного темновато с непривычки, правда? Осторожнее с занавеской, она слегка порвана. Если бы я знала о вашем приезде, я бы подготовила и гостиную, но ничего – главное, я успела при-

брать спальню. Я не имею в виду, что там было грязно, нет. Но ваша тетя довольно долго находилась в постели, прежде чем ее забрали в больницу. Проходите на кухню, там будет уютнее.

— Как любезно с вашей стороны... — начала было я, но миссис Трапп тут же прервала меня:

— Да неужто мы могли допустить, чтобы вы въехали в незнакомый дом прямо так, чтобы никто не затопил камин и не проветрил комнаты! Как только мы узнали, что в доме собирается жить племянница мисс Саксон, я сказала Джессами (это мой сын): мы должны постараться немножко убрать в доме, иначе она, милочка, не сможет спать спокойно — ведь после похорон здесь все так и осталось неприбранным... Нет, дом, конечно, замечательный, но, видите ли, мисс Рэмси, за ним уже давно никто не присматривал. А, вот мы и на кухне. И чайник как раз закипел.

Чайник выглядел так, будто кипел уже давным-давно, но какой бы чай ни был, я все равно была за него благодарна. Говорят, лучше хорошо ехать, чем плохо приезжать. Во время пути я все время мечтала об исполнении своей давнишней мечты, как ее описала мне тетя Джейлис: свой дом, залитый солнечным светом, сад и лес у самого крыльца, кругом цветы. Мне даже в голову не приходило, что этим пасмурным сентябрьским днем реальность может оказаться совсем другой. Сейчас я мысленно поблагодарила поверенных, которые догадались попросить миссис Трапп подготовить дом

к моему приезду.

Она тем временем суежилась возле чайника, расставляя посуду. В доме оказалось кое-что из съестного: она достала с каминной полки старинную чайницу и насыпала в чайник заварки. На столе уже стояла наполовину пустая бутылка молока.

– Сейчас заварится, – сказала миссис Трапп. – Хотите печенья? Или, может быть, тост? Нет? Тогда вы не против, если я съем одно? Я принесла сегодня пачку.

Около бутылки с молоком лежало с полфунта масла, еще в упаковке. Масло тоже было початое. Полная сахарница, початая же буханка хлеба и пачка печенья. Миссис Трапп взяла печенье и начала жевать, разливая при этом чай.

– Я совсем забыла выразить вам свои соболезнования. Ваша тетя была замечательным человеком и всегда хорошо ко мне относилась. Впрочем, я тоже делала для нее все, что могла. В деревне надо дорожить хорошими отношениями с соседями.

Миссис Трапп улыбнулась мне своей чудесной улыбкой. У нее были действительно замечательные зубы. Продолжая болтать, она положила себе три ложки сахара и стала пить чай. Я прихлебывала свой и поглядывала по сторонам.

Кухня была на удивление просторной и светлой, особенно по сравнению с кухней моих родителей. Скорее всего, изначально кухня располагалась в другом месте – в восемнадцатом веке никто не предоставил бы слугам такое замечатель-

ное помещение. Одно из окон, то самое, на котором стояли сухие цветы, выходило на север. Из другого был виден лес. Он начинался сразу за живой изгородью из ежевики и рябины. В этих зарослях не было видно ничего, кроме небольшой крытой черепицей крыши в глубине сада и высокой трубы над ней. Может быть, как раз в том домике и располагались некогда кухня и баня.

Напротив камина возвышался кухонный шкаф, на полках которого стояли нарядные бело-голубые тарелки, а спереди на гвоздиках висели чашки в тон. Очевидно, цивилизация с ее встроенными шкафами еще не дошла до этих мест. Большой обеденный стол стоял посередине комнаты, оставляя достаточно свободного места. Кроме него под окном находился еще один столик, уставленный всевозможными банками и коробками. С краю лежали две большие стопки книг, снятые с полки над этим столиком.

– Я собиралась вытереть пыль с книжных полок, – пояснила миссис Трапп. – Просто удивительно, как быстро пылятся книги. А теперь, – она встала, – надо показать вам вашу комнату.

И, явно чувствуя себя хозяйкой, она увлекла меня за собой к лестнице. Не слушая моих возражений, она схватила чемоданы так, словно они ничего не весили, подождала, пока я возьму свою сумочку и пальто, и, легко перебирая своими полными ногами, взбежала вверх по ступенькам. По обеим сторонам лестничной площадки находились две двери. Мис-

сис Трапп открыла ту, что была справа, и я увидела небольшой холл с окном в сад и двумя другими дверями. Теперь она открыла левую дверь, и мы вошли в спальню.

После комнат первого этажа спальня приятно удивила меня. Она оказалась большой, с двумя высокими окнами, выходящими на южную сторону. Широкие подоконники уходили глубоко в толщу стен. Изящный камин, выложенный цветными изразцами. Около камина располагались ночной столик и платяной шкаф. Высокая двуспальная кровать стояла на зеленом ковре, очень гармонизировавшем с зеленью за окном. Около окна стояло плетеное кресло.

Замечательная комната. Правда, ковер слегка выцвел у окна и занавески тоже поблекли в тех местах, где на них падало солнце, а в углу, под самым карнизом, расплзлось мокрое пятно, и обои в том месте стали отклеиваться... Но все это ничего. В комнате пахло свежестью и чистотой, одно из окон было поднято до упора.

– Ванная за дверью, – сказала миссис Трапп.

Она подошла к окну и отдернула занавеску, напоминаяшую чем-то ту, что покачивалась на окне в доме у нее самой. Интересно, кто там мог быть в ее отсутствие? Однако сейчас она выжидательно смотрела на меня, и я произнесла то, чего она от меня ждала.

– Просто не знаю, как вас благодарить, миссис Трапп, – тепло сказала я. – Мне здесь очень нравится. И в этом есть ваша заслуга. Спасибо вам огромное.

– Я же говорила, мы не могли допустить, чтобы вы приехали в пустой неубранный дом, мисс Рэмси. К сожалению, не хватило времени на уборку внизу, но зато постель хорошо проветрена, а ванна как следует вычищена. Посмотрите?

– Спасибо, попозже.

Я пыталась придумать, как поделикатнее спросить ее, сколько она хочет за свою помощь. Может быть, если поверенные попросили ее убрать в доме, то они уже договорились с ней о сумме?

И заговорила о другом:

– Вы живете у ворот, не так ли? Но ведь это очень далеко отсюда. Вы ездите на машине?

– Иногда на велосипеде, но, вообще-то, здесь есть короткий путь через лес.

– Наверное, вы присматривали за домом, пока мисс Саксон была в больнице? Вы у нее работали?

– Иногда. Обычно она предпочитала все делать сама, но каждый год я помогала ей с весенней уборкой. Хотите посмотреть остальные комнаты?

– Нет, думаю, я сначала распакую багаж. Но может быть, вы еще покажете мне, где здесь кухонные принадлежности и как управляться с плитой?

– Хорошо, мисс, но сегодня вам не нужно беспокоиться об ужине. Я оставила кое-что в духовке, а утром принесу молоко и что-нибудь на завтрак. О карточках на продукты не беспокойтесь – вы скоро их получите, а пока соседи не дадут

вам пропасть. Да и ваша тетя, по правде говоря, была не из тех, кто держит кухонные шкафы пустыми.

– Очень мило с вашей стороны. Я привезла с собой столько продуктов, сколько смогла, но вот освоюсь здесь с магазинами и зарегистрируюсь, чтобы получить карточки...

– Не беспокойтесь, мисс Рэмси. Как только выяснится, что вы поселились в Торнихолде, вам сразу же их выдадут. – Она стала спускаться за мной по лестнице. – Ну что ж, тогда я оставляю вас, а завтра приду с утра, и мы вместе быстро справимся с уборкой.

– Вы очень добры, – начала я. Нет, все-таки придется это сказать, хочу я этого или нет, но помощь по хозяйству была мне не по карману. – Миссис Трапп, вы очень добры, но, право же, не стоит обо мне беспокоиться. Я действительно очень нуждаюсь в ваших советах – я ведь здесь еще ничего не знаю, – но что касается уборки и прочего, я думаю, что справлюсь сама. Видите ли, я, как и моя тетя, предпочитаю одиночество. – Тут я улыбнулась. – И спасибо вам еще раз за то, что вы для меня сделали. Я буду очень рада, если вы станете иногда помогать мне, как вы помогали мисс Саксон.

Яркий румянец снова залил ее щеки, лоб и шею. Я вдруг поняла, отчего во время разговора с ней меня все время не покидает чувство неловкости: точно так же смотрела на меня своими кукольными синими глазами моя главная мучительница в монастырской школе, и ее щеки точно так же краснели, когда ей удавалось довести меня до слез.

Агнес Трапп улыбнулась, и краска схлынула с ее лица так же быстро, как и появилась.

– Конечно, мисс Рэмси, конечно. Но я еще хотела сказать, что последними словами вашей тети в этом доме было: «Агнес, дорогая, это такой большой дом, может быть, ты переедешь сюда и будешь помогать мне по хозяйству?» – Она снова улыбнулась своей белозубой улыбкой. – И как раз это мы с Джессами и собирались сделать. Но теперь все изменилось, не так ли?

Мне уже было не восемь лет, и передо мной стоял не фюрер нашего третьего класса. Я была хозяйкой Торнихолда и разговаривала с прислугой, стоя в центре собственной парадной гостиной.

Однако, прежде чем ответить, я все же была вынуждена откашляться. Надеюсь, мой голос звучал достаточно твердо.

– Да, миссис Трапп, теперь все по-другому. Спасибо вам большое и до свидания.

Глава 7

Очутившись в спальне, на этот раз наконец-то одна, я положила чемодан на широкий подоконник и стала вынимать вещи. В моей голове роились неприятные мысли. Прежде всего надо связаться с фирмой «Мартин & Мартин», поверенными тети Джейлис, и выяснить, сколько я должна миссис Трапп за уборку. По крайней мере, они ее сами пригласили, значит проблем здесь не возникнет.

Проблем? Ну нет, надо взять себя в руки. В конце концов, я не должна вести себя как запуганный ребенок перед жестокой школьной надзирательницей. Что с того, что этот внезапный румянец, этот взгляд кажутся мне такими знакомыми? Я молодая здоровая женщина, а не дряхлая старушка, которая не может обойтись без помощи по дому, и вполне могу сама управиться со всем хозяйством. Я прекрасно справлялась с этим и в куда более мрачном и неудобном месте. И я в состоянии сказать Агнес Трапп: спасибо, мол, за все, вот деньги, но дальше я буду вести хозяйство сама, а если мне вдруг понадобится ваша помощь, я дам вам знать. А что касается ее нелепого предложения переехать сюда и жить вместе со мной...

Вот, наверное, в чем причина ее гнева и досады: она рассчитывала, что наследницей тети Джейлис окажется пожилая леди, которая с радостью воспримет предложение домра-

ботницы жить в доме. Должно быть, тетя была совсем плоха, если, «предпочитая делать все сама», захотела, чтобы миссис Трапп жила вместе с ней. Если, конечно, это правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.